

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ИЗ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, МЕХАНИЗМ ВОЗМЕЩЕНИЯ

- ◆ Формы неосновательного обогащения
- ◆ Кондикция и реституция
- ◆ Кондикция и виндикация
- ◆ Кондикция и деликт
- ◆ Пределы применения кондикции
- ◆ Исполнение кондикционного обязательства

Наталья Соломина

**Обязательство из
неосновательного
обогащения: понятие, виды,
механизм возмещения**

«Юстицинформ»

2009

Соломина Н. Г.

Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения / Н. Г. Соломина — «Юстицинформ», 2009

ISBN 978-5-7205-0964-4

Данное издание представляет собой первое в отечественной правовой науке крупное научное исследование теоретических вопросов неосновательного обогащения. Автором предложено свое видение сущности отношений, возникающих из неосновательного обогащения, отличное от доктринального подхода. В работе предложено решение большинства спорных вопросов отечественной теории и практики неосновательного обогащения, основанное на глубоком анализе общетеоретических вопросов обязательственного права. Через построение теории исполнения кондикционного обязательства автор раскрывает существо некоторых категорий института неосновательного обогащения, относительно которых до настоящего времени отсутствует четкость их определения в виду их малоизученности. Издание предназначено для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов, практикующих юристов.

ISBN 978-5-7205-0964-4

© Соломина Н. Г., 2009

© Юстицинформ, 2009

Содержание

Введение	5
Глава I. Кондикционное обязательство в системе способов защиты гражданских прав	7
§ 1. Определение универсальности кондикционного обязательства: введение в проблему	7
§ 2. Понятие и основание возникновения кондикционного обязательства	16
§ 3. Имущественное обогащение и его влияние на предмет возмещения	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Геннадьевна Соломина

Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения

Введение

Кардинальные преобразования всей экономики страны в начале 90-х годов потребовали такого же кардинального преобразования всего российского законодательства. Особую значимость при этом приобрели правовые институты, способные каким-либо образом упорядочить проникновение товарно-денежных отношений практически во все сферы жизнедеятельности. Экономические реформы позволили иначе посмотреть не только на вопросы обогащения как такового, когда у каждого добросовестного субъекта права появилась заинтересованность в максимальном увеличении своих доходов, но также и на проблемы процесса неосновательного обогащения, когда таковые стали опосредовать почти весь гражданский оборот, в частности сферу совершения гражданско-правовых сделок, защиты права собственности.

Проблемы неосновательного обогащения как теоретические, так и практические всегда более или менее активно разрабатывались отечественной цивилистикой. Кондикционное обязательство было и остается важнейшим средством защиты гражданских прав, а институт неосновательного обогащения охватывает собою не только положения, зафиксированные в гл. 60 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Несмотря на повышенный научный интерес к кондикционным обязательствам, о достаточной разработанности данного правового института в цивилистической науке все же говорить не приходится. Обилие кандидатских диссертационных исследований по отдельным вопросам кондикционных отношений само по себе еще не свидетельствует о достаточном уровне развития доктрины в сфере теории неосновательного обогащения. Требуются фундаментальные теоретические исследования в данном направлении.

Способность кондикционного обязательства выступать самостоятельным средством защиты гражданских прав, нормы, регулирующие его применение, дополняют специальную правовую регламентацию иных способов защиты и в настоящее время практически никем не оспариваются. Вместе с тем регулятивные возможности кондикционного требования до сих пор остаются необоснованно умаленными по сравнению с его действительным назначением. Исследовательская мысль за редким исключением не простирается дальше положений, сформулированных еще в период введения в действие части второй Гражданского кодекса РФ крупнейшим ученым современности А.Л. Маковским. Между тем именно заложенные этим ученым предпосылки формирования научной дискуссии о существовании кондикционного обязательства должны были стать тем ориентиром, который позволил бы вывести теории о неосновательном обогащении на новый уровень.

Сегодня при реализации института неосновательного обогащения как охранительного инструмента судебная практика выработала свои подходы понимания положений о неосновательном обогащении, некоторые из которых отличаются особой противоречивостью, что, в свою очередь, обусловлено сформировавшейся доктриной. В частности, речь идет о подходе определения сущности объекта обязательства из неосновательного обогащения, существа исполнения этого обязательства, характера отношений, сопутствующих возврату неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, и др. В настоящее время четко про-

слеживается позиция, когда роль института неосновательного обогащения сводится лишь до функций вспомогательного механизма, обслуживающего другие охранительные институты российского гражданского права.

Эти и некоторые другие аспекты позволяют говорить о назревшей потребности всестороннего изучения вопросов неосновательного обогащения, что не только способствовало бы развитию данного правового института, но и возможно привело бы к иному взгляду на многие вопросы применения норм о неосновательном обогащении, а также на существо кондикционного требования как основного универсального требования о восстановлении нарушенной имущественной сферы участников гражданского оборота. При этом одним из актуальных направлений развития теории универсальности кондикционного обязательства должно стать исследование охранительно-восстановительных свойств кондикционного требования, в том числе, через определение его места в механизме защиты нарушенной имущественной сферы участников гражданского оборота.

Глава I. Кондикционное обязательство в системе способов защиты гражданских прав

§ 1. Определение универсальности кондикционного обязательства: введение в проблему

В хозяйственном (экономическом) обороте обогащение присутствует всегда, выступая содержанием таких категорий, как прибавочная стоимость, спекулятивная сделка, движение стоимости, капитал и наконец прибыль и экономия. Обогащение характерно для любых товарно-денежных отношений, когда продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг преследуют не получение эквивалента, равного стоимости последних, а получение некоторой прибавки к этой стоимости (прибыли), закладываемой в цену товара, работы, услуги, ибо без такой прибавки теряет смысл товарооборот в целом. Размер полученной прибыли говорит о рентабельности предприятия, подтверждает платежеспособность хозяйствующего субъекта. Поэтому цель любой экономической деятельности в конечном счете сводится к получению максимального размера прибыли (обогащения), что, в свою очередь, побуждает субъектов такой деятельности наращивать объемы производства, продаж и т. п.

В рамках государства обогащение представляет собой единый процесс, обеспечивающий его нормальное функционирование, предопределяет необходимость существования посреднических (промежуточных) звеньев, финансовых институтов, способных в любой момент поддержать рост экономики за счет аккумуляции денежных средств и их перераспределения, с тем чтобы обеспечить финансирование хозяйствующих субъектов. За счет непрерывности оборота капитала происходит обогащение всей системы, каждого хозяйствующего элемента и государства в целом. При таком справедливом распределении материальных благ достигается баланс интересов субъектов хозяйственного оборота, эффективное и стабильное функционирование всей системы рыночной экономики, что обеспечивает рост собственного благосостояния частных лиц и прирост совокупного экономического продукта.

Обогащение, являясь условием благосостояния народа, нации, государства, находит свое выражение в сознании господствующей власти в виде политических, правовых, моральных представлений, идей, категорий, принципов, что приводит к формированию правовой надстройки в форме системы, отраслей и институтов права. Перемещаясь в правовую надстройку, экономические отношения обеспечиваются тем необходимым объемом правовых норм, способным обеспечить нормальное функционирование гражданского оборота, в котором каждый добросовестный субъект может рассчитывать на обогащение¹. При этом категория «обогащение» (в позитивном смысле) на законодательном уровне прямо не используется, однако суще-

¹ В юридической литературе советского периода термин «неосновательное обогащение» критиковался. По идеологическим соображениям недопустимым считалось всякое обогащение одного лица за счет другого, приводящее к эксплуатации чужого труда, извлечению прибавочной стоимости и т. п. В связи с этим для обозначения соответствующих обязательств предлагалось использовать такие термины, как «неосновательное получение выгоды», «неосновательное приобретение» или «неосновательное получение имущества». См., например: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 153; *Флейшиц Е.А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. С. 211; *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Отдельные виды обязательств. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 516; Советское гражданское право / Под ред. Д.М. Генкина, Я.А. Куника. М., 1967. С. 510; *Шаминов А.А.* Неосновательное приобретение (сбережение) имущества и нетрудовой доход. Саратов, 1981. С. 36. В настоящее время не возникает вопроса о целесообразности использования данного термина. По мнению Ю.К. Толстого, использование термина «неосновательное обогащение» в современный период юридически вполне корректно и соответствует прочной исторической традиции. См.: *Гражданское право: Учебник. Т. 3 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого.* М., 2007. С. 77.

ство ее находит выражение в таких законодательных формулировках, как «обязуется уплатить определенную денежную сумму (цену)», «безвозмездно передает или обязуется передать вещь», «обязуется предоставить имущество за плату» и т. д.

Обогащение в правовом смысле всегда связано с некоторым приростом или экономией, которые присутствуют в большинстве гражданско-правовых сделок, когда передаче имущества, выполнению работы или оказанию услуги противостоит встречное предоставление в виде денежных средств в размере, превышающем реальную стоимость имущества (работы или услуги), достаточном для удовлетворения интереса продавца в широком смысле слова. Естественно, что процесс обогащения не ограничивается только рамками товарно-денежных отношений, а имеет место и в случаях, когда происходит любое перемещение стоимости, в том числе и в виде безвозмездной передачи имущества (например, по договору дарения или ссуды), приводящей к обогащению субъектов.

К сожалению, обогащение не всегда приводит исключительно к позитивному результату, когда распределение имущественных благ считается справедливым. Возможны ситуации, при которых происходит нарушение имущественного равновесия одних субъектов за счет неправомерных действий других участников гражданского оборота², что в масштабах государства способно привести к экономическому произволу, хозяйственной анархии, имущественному хаосу. В таких случаях необходимо вести речь о неосновательном обогащении, когда приобретение (прирост) и сбережение (экономия) какого-либо материального блага являются объективно неправомерными, а поведение неправомерно обогатившегося лица рассматривается как поведение, противоречащее устоям общества, основам нравственности и морали.

Нарушение справедливого начала в перераспределении имущественных благ определяет необходимость защиты нарушенных имущественных интересов. По этой причине право в целом и гражданское право в частности должны обеспечить стабильность имущественного оборота, не только посредством урегулирования должного поведения его участников, но и путем предоставления достаточного набора защитных средств как вещно-правового, так и обязательственного характера.

Гражданское законодательство предусматривает два уровня регулирования способов защиты гражданских прав. К первому уровню относятся способы защиты, носящие универсальный характер, которые могут применяться для защиты любого субъективного гражданского права. Такие способы, в частности, поименованы в ст. 12 ГК РФ. Второй уровень регулирования способов защиты гражданских прав соотносится с такими способами, которые применяются для защиты только определенных видов гражданских прав или для защиты от определенных нарушений. Такие способы защиты определены ст. 12 ГК РФ как «иные способы» защиты³.

Среди всей совокупности универсальных способов защиты гражданских прав выделяется группа таких способов, применение которых преследует цель восстановить нарушенное право, компенсировать потери, понесенные в связи с нарушением права⁴. Данные способы защиты представляют собой элементы единого механизма защиты прав участников гражданского оборота от посягательств на их имущественную сферу. Такой механизм, будучи направленным на восстановление нарушенной имущественной сферы лица, возлагает на нарушителя бремя

² Л.И. Петражицкий, например, в числе таких неправомерных действий называл кражу, грабеж, обман, административный произвол или иные явления неправомерного характера, в основе которых лежит немотивированный, неразумный мотив. См.: *Петражицкий Л.И. Иски о «незаконном обогащении»* (К характеристике современной юриспруденции)//Вестник права. 1900. № 2. С. 12.

³ См.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения*. М.: Статут, 1998. С. 628, 629.

⁴ См. там же. С. 630. В.В. Витрянский выделяет данную группу защиты прав наряду еще с двумя группами, в основу разграничения которых положен критерий результата. К таким группам он относит способы защиты, применение которых позволяет подтвердить (удостоверить) защищаемое право или прекратить (изменить) обязанности, и способы защиты, применение которых позволяет предупредить или пресечь нарушение права.

несения различного рода материальных затрат, связанных как с возвратом недолжного, так и с возмещением иных дополнительных затрат, способных не только компенсировать нарушенный имущественный интерес лица, но и максимально наказать нарушителя, исходя из требований добросовестности, разумности и справедливости. Целью реализации такого защитного механизма выступает восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего.

Подобная восстановительно-охранительная роль механизма защиты субъективного права участника гражданского оборота в целом свойственна лишь кондикционному требованию, что позволяет признать за ним признаки системообразующего элемента всего механизма защиты субъективного права лица, чье право нарушено «несанкционированным проникновением» в его хозяйственную сферу. Данный системообразующий элемент способен оказывать универсальное воздействие на реализацию любого другого способа защиты, направленного на восстановление нарушенного права. Это, в свою очередь, означает, что роль института неосновательного обогащения не ограничивается лишь сферой обязательственного права, что позволяет признать за этим правовым институтом качества общеправового института.

Так, в частности, Т.И. Илларионова в свое время указывала на то, что совокупность норм о неосновательном обогащении сложилась как пограничный институт, направленный на разрешение конфликтов между лицами, ранее не состоявшими в правоотношениях, либо субъектами недействительных или расторгнутых договоров. В основании применения института неосновательного обогащения обобщен более широкий круг пресекаемых деяний, чем в охранительных нормах институтов сделок или защиты права собственности: нормы о неосновательном обогащении соотносятся с охранительными нормами института сделок и защиты права собственности как общеправовые с мерами относительно специального характера⁵.

На системообразующую роль кондикционного обязательства и общеправовой характер его норм указывают, хотя и не прямо, другие ученые. Так, А.Л. Маковский, комментируя положения части второй Гражданского кодекса РФ в год ее введения в действие, касающиеся изменений в регулировании отношений вследствие неосновательного обогащения, отмечал: «В основе происшедших изменений лежит, во-первых, взгляд на обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, не как на отдельный вид обязательства, а как на особый их род и даже, возможно, своеобразный (восполнительный) способ защиты гражданских прав и, во-вторых, понимание того, что этот институт относится к числу тех, которые непосредственно связаны с нравственными началами гражданского права»⁶.

Действовавшее ранее гражданское законодательство⁷ рассматривало кондикционное обязательство как самостоятельный вид обязательств, стоящий в одном ряду с договорным, деликтным и виндикационным требованиями. И хотя вопрос соотношения кондикционного обязательства с этими требованиями законодательством непосредственно не регламентировался, данная проблема все же исследовалась в плане допустимости конкуренции исков и изменения основания исковых требований, когда это было необходимо для установления истины

⁵ См.: Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер: Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985. С. 19.

⁶ Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (гл. 60) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель/Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996. С. 591, 592. На связь института неосновательного обогащения с нравственными началами указывали и многие дореволюционные ученые. Так, В.И. Синайский по этому поводу писал: «Неосновательное обогащение уходит своими корнями в область этических требований общества, принимает во внимание интересы обеих сторон, стараясь примерить их на средней линии – возвращении того, что еще имеется налицо, как обогащение, полученное без достаточного основания по воззрениям права и самого общества» (Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002).

⁷ Впервые законодательное закрепление кондикционных обязательств получили в ГК РСФСР 1922 г. (гл. 12, ст. 339–402). Впоследствии – в ГК РСФСР 1964 г. (гл. 42, ст. 473, 474) и Основы гражданского законодательства 1991 г. (ст. 133).

по делу, а также для обеспечения наиболее полной и всесторонней защиты прав и законных интересов сторон в гражданском процессе⁸.

Преобладающей в тот период была точка зрения, согласно которой конкуренция исков считалась недопустимой⁹. О.С. Иоффе, например, считал такую конкуренцию неприемлемой не только с практической точки зрения, но и ошибочной в теоретическом плане. По этому поводу он писал: «Поскольку спорящие стороны состоят в одном правоотношении, становящемся предметом гражданского спора, а дело возбуждено по поводу определенного нарушения данного конкретного правоотношения, речь может идти лишь о предъявлении соответствующего единственного иска, но не о выборе между несколькими исками, не об их конкуренции. Вот почему какая бы то ни было конкуренция исков должна быть отвергнута»¹⁰.

Позиция недопустимости конкуренции исков аргументировалась тем, что у каждого требования о защите нарушенного права имеется свое основание возникновения, что обуславливает самостоятельность каждого требования по отношению друг к другу, поэтому наличие какого-либо одного из предусмотренных законом оснований исключает все другие основания для предъявления иска к данному лицу, вытекающего из данного конкретного правоотношения. «Именно поэтому, – писал О.С. Иоффе – конкуренция исков представляет собой внутренне противоречивое, научно-несводимое понятие, лишенное практической ценности»¹¹.

Вместе с тем в правовой литературе рассматриваемого периода встречались высказывания, в которых четко прослеживалась идея универсального характера кондикционного обязательства. Например, А.А. Шамшов отмечал, что в случае любого неоправданного перемещения имущества надо считаться с возможностью предъявления кондикционного иска, и «хотя в конечном счете природа правоотношения оказывается иной и предъявляется другой иск, но во всех этих ситуациях перемещение имущества является неосновательным, а обязательство по ст. 473 ГК возникает именно из неосновательного приобретения... Это свидетельствует об универсальности требований из неосновательного приобретения как черты, отличающей их от иных требований»¹².

Аналогичную характеристику нормам о неосновательном обогащении в сравнении с другими обязательственно-правовыми нормами давал В.А. Рясенцев, называя их «специальными»¹³.

На дополнительный характер норм о неосновательном обогащении ко всем другим охранительным требованиям в период действия ГК 1922 г. и ГК 1964 г. указывал целый ряд ученых¹⁴. При этом отмечалось, что при наличии в том или ином юридическом составе как неосновательного приобретения, так и условий для предъявления иного иска предъявляется всегда последний. Считалось, что так происходит потому, что в любом другом иске понятие «неосно-

⁸ См.: Толстой Ю.К. Обязательства из неосновательного обогащения. С. 91.

⁹ См., например: Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. Отдельные виды обязательств. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 522–528; Арзамасцев А. Н. Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во ЛГУ, 1956. С. 187–189; Генкин Д. М. Право собственности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. С. 197; Венедиктов А. В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 170–175; Шамшов А.А. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения: Учебное пособие/Под ред. Ю.К. Калмыкова. Саратов: Изд-во Саратовского унта, 1975. С. 47–50; Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983. С. 99 и след.

¹⁰ Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. Отдельные виды обязательств. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 524.

¹¹ Там же.

¹² Шамшов А.А. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения С. 48.

¹³ Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки МГУ. 1949. Вып. 114. С. 96.

¹⁴ См., например: Нарбут Н. Об обязательствах, возникающих вследствие неосновательного обогащения // Рабочий суд. 1924. № 6–7. С. 34; Гурвич М. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР// Советское право. 1925. № 2(14). С. 110; Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. С. 157; Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 441.

вательности имущественного перемещения» выражено в иных, более определенных юридических категориях. Тем не менее понятия основательности и неосновательности имущественного перемещения определяли судьбу любого иска, связанного с таким перемещением, а ст. 473 ГК РСФСР 1964 г. являлась единственной статьей гражданского законодательства, где понятие «неосновательности» юридически не расшифровывалось, а применялось как таковое. Это позволило, в частности, А.А. Шамшову прийти к выводу о том, что при неосновательном перемещении имущества условием, необходимым для предъявления иска из неосновательного приобретения, является отсутствие условий для предъявления какого-либо иного иска¹⁵.

Определение норм о неосновательном обогащении как норм, дополняющих любой из охранительных институтов, позволило даже выдвинуть предположение о возможности помещения главы о неосновательном обогащении в Общую часть обязательственного права¹⁶. Аналогичная идея, кстати, была высказана А.Л. Маковским в период введения в действие действующего Гражданского кодекса РФ: «Не исключено, что надлежащее место этих своеобразных обязательств – в общей части обязательственного права (разд. III ГК) или даже в общих положениях ГК (разд. II)»¹⁷. Заметим, что такой подход определения места норм о неосновательном обогащении имел все основания, чтобы быть реализованным на уровне закона. Так, в опубликованном в 1947 г. проекте Гражданского кодекса СССР глава о неосновательном приобретении была помещена именно в Общей части¹⁸.

Дополнительный (субсидиарный) характер норм о неосновательном обогащении отстается и многими российскими учеными¹⁹. При этом не умаляется самостоятельность каждого из требований, сравниваемых с кондикционным. Такая позиция основывается прежде всего на нормах действующего гражданского законодательства, согласно которым: поскольку иное не установлено самим Кодексом, другими законами или иными правовыми актами и не вытекает из существа соответствующих отношений, правила о неосновательном обогащении, предусмотренные гл. 60 ГК, подлежат применению также к требованиям: 1) о возврате исполненного по недействительной сделке; 2) об истребовании имущества собственником из чужого незаконного владения;

3) одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством; 4) о возмещении вреда, в том числе причиненного недобросовестным поведением обогатившегося лица (ст. 1103 ГК РФ).

Такое соотношение кондикционного обязательства с данными гражданскими правоотношениями, по мнению А.Л. Маковского, не является идеальным решением вопроса, но вместе с тем представляется полезным, поскольку гл. 60 ГК содержит ответы на многие вопросы, не всегда получающие должного разрешения в правилах об отдельных видах этих обязательств²⁰. В частности, это вопросы, касающиеся судьбы доходов, извлеченных обогатившимся лицом из полученного (сбереженного) имущества; затрат, понесенных обогатившимся лицом на содержание этого имущества; последствий ухудшения этого имущества за время его нахождения у обогатившегося лица, и ряд других не менее важных вопросов.

¹⁵ См.: Шамшов А.А. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения. С. 50.

¹⁶ См. там же. С. 49.

¹⁷ Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (гл. 60). С. 603.

¹⁸ Гражданский кодекс СССР: Проект. М., 1947. С. 70, 71.

¹⁹ В.В. Витрянский, например, по этому поводу указывает: «В системе гражданско-правовых обязательств кондикционные обязательства занимают особое положение: они носят универсальный восполнительный характер. Поэтому в тех случаях, когда нормы, регулирующие соответствующий тип (вид) обязательств, не обеспечивают устранения ситуации, при которой на стороне одного из участников гражданско-правовых отношений образуется неосновательное обогащение, должны применяться правила о кондикционных отношениях». См.: Брагинский М.И., Витрянский В. В. Договорное право. Ч. 2: Договоры на передачу имущества. М., 2001. С. 377, 378. Также см.: Комментарий части второй Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 1996. С. 395 (автор главы – К.Б. Ярошенко).

²⁰ См.: Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (глава 60). С. 598.

Основной вопрос, который возникает при исследовании положений ст. 1103 ГК РФ, сводится к следующему: на чем основана возможность субсидиарного применения положений о неосновательном обогащении к другим поименованным в данной статье требованиям?

По мнению А. Климовича, в данной ситуации речь идет исключительно о субсидиарном применении норм гл. 60 ГК РФ к указанным институтам, что делает возможным применение иска из неосновательного обогащения совместно с другими исками²¹. Субсидиарный характер гл. 60 ГК РФ выявляется при этом из буквального толкования абз. 1 ст. 1103 ГК РФ. Так, формулировку «подлежат применению также к требованиям» можно заменить тождественной формулировкой «дополнительно применяются также к требованиям».

Субсидиарность согласно данной позиции ни в коей мере не означает заменимость соответствующего требования на кондикционный иск. Напротив, считается, что при необходимости кондикция способна дополнить правовые возможности потерпевшей стороны субсидиарным притязанием, при отсутствии которого имущественная сфера последнего оказывается невосполнимо нарушенной. При этом механизм применения правил о неосновательном обогащении работает следующим образом: когда институты, указанные в ст. 1103 ГК РФ не способны восстановить нарушенное право лица, для его восстановления могут быть применены нормы гл. 60 ГК РФ²².

Несмотря на столь единодушное в современной правовой науке толкование механизма применения норм о неосновательном обогащении к смежным институтам, характер таких норм определяется все же по-разному.

Например, Р.А. Кушхов констатирует, что нормы гл. 60 ГК РФ становятся как бы частью соответствующего института, не сохраняя исключительность самостоятельного требования, возникающего из неосновательного обогащения²³. Такой подход, как представляется, сводит характер гл. 60 ГК РФ до обслуживающего (дополнительного) правового института, не имеющего под собой какой-либо специальной сферы, в отношении которой можно было бы применить собственно само кондикционное требование как самостоятельное.

Другие авторы, в частности А.В. Климович, определяют нормы о неосновательном обогащении как нормы, регулирующие в качестве общих положений любое неосновательное обогащение независимо от источника его возникновения. Поэтому субсидиарное применение правил гл. 60 ГК РФ, по его мнению, далеко не всегда означает применение собственно кондикционного иска: речь может идти всего лишь о применении определенных норм, обычно сопутствующих кондикционному требованию (например, о порядке определения стоимости подлежащего возврату имущества), либо вообще о применении требования, по своей природе не являющегося кондикционным²⁴.

²¹ См.: Климович А.В. Статья 1103 ГК РФ: новый аспект реализации кондикционных обязательств // Сибирский юридический вестник. 2001. № 2. С. 40.

²² См.: Перкунов Е. Неосновательное обогащение – место в Гражданском кодексе и практика Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2004. № 2. С. 154.

²³ См.: Кушхов Р.А. О конкуренции требования из неосновательного обогащения с иными требованиями о защите гражданских прав // Нотариус. 2006. № 3. С. 29. Об этом говорит и К.Б. Ярошенко: «Таким образом, обязательствам вследствие неосновательного обогащения придан универсальный, но вместе с тем субсидиарный характер: нормы, регулирующие обязательства вследствие неосновательного обогащения, применяются в дополнение к нормам, специально регулирующим соответствующие отношения» (см.: Комментарий к части второй Гражданского кодекса для предпринимателей /Под общ. ред. М. И. Брагинского. М., 1996//. СПС «Гарант»),

²⁴ См.: Климович А.В. Статья 1103 ГК РФ: новый аспект реализации кондикционных обязательств. С. 47. На общий характер кондикционного требования указывает и О.Н. Садилов: «В силу положений ст. 1103 неосновательное обогащение приобретает характер общей защитной меры, которая может использоваться наряду (одновременно) с другими, названными в ст. 1103 требованиями» (см.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный). / Под ред. О.Н. Садилова. М., 1998. С. 710. Также см.: Бозиева Ю.Г. Кондикционные обязательства в системе гражданско-правовых обязательств: Дисс.... канд. юрид. наук: 12.00.03. Краснодар, 2003. С. 63; Инатов А.В. Денежные кондикционные обязательства в гражданском праве Российской Федерации: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 16.

В изложенной позиции прослеживается, хотя и неявно, признание за кондикционным обязательством родовых признаков по отношению ко всем остальным восстановительным средствам имущественной сферы участников гражданского оборота, где, «находясь в теснейшей генетической связи с компенсаторно-восстановительными началами цивилистики, кондикционное требование осуществляет генеральную правоохранительную функцию в системе защиты субъективных гражданских прав»²⁵.

Универсальный характер кондикционного обязательства и норм, регламентирующих его применение, наиболее четко прослеживается в позиции А.Л. Маковского, который еще в 1996 г. писал, что кондикционное обязательство совсем не однопорядково другим отдельным видам обязательств. Оно универсально для всех случаев, когда одно лицо приобретает (сберегает) имущество за счет другого без правового основания, и потому является родовым понятием по отношению ко всем обязательствам возратить имущество, приобретенное (сбереженное) без достаточных оснований. Другое дело, что для каждого из этих конкретных случаев неосновательного обогащения могут быть установлены специальные правила в законе, в иных правовых актах, а для некоторых и в договоре, и эти специальные правила должны иметь преимущество перед общими нормами об обязательствах из неосновательного обогащения²⁶.

Заметим, что высказанная позиция не претерпела каких-либо изменений за десятилетие развития отечественной правовой науки. Так, например, Д.В. Новак в рамках своего диссертационного исследования 2006 г. приходит к выводу: «В российском праве обязательства вследствие неосновательного обогащения как родовой институт охватывают любые требования о возврате имущества, приобретенного или сбереженного одним лицом за счет другого, для которых нормы гл. 60 ГК РФ являются своеобразной общей частью... охранительные меры специального характера вытесняют кондикцию как общее средство защиты и речь идет лишь о субсидиарном применении к данным отношениям некоторых норм гл. 60 ГК РФ»²⁷.

Выходит, что субсидиарный (универсальный) характер норм о неосновательном обогащении, выражающийся в возможности восполнить (дополнить) любой охранительный институт, одних ученых-правоведов приводит к мысли о восполнительном характере всего института неосновательного обогащения, а других – к общеродовому началу кондикционного обязательства относительно охранительно-восстановительной сферы в гражданском праве.

Если первый подход понимания назначения гл. 60 ГК РФ вряд ли имеет право на существование, поскольку в противном случае возникает вопрос о роли таких универсальных средств защиты, как возмещение убытков и уплата неустойки, которые, помимо всего прочего, выступают еще и мерами гражданско-правовой ответственности, то второй подход должен был бы раз и навсегда решить вопрос о существовании механизма защиты гражданских прав от всякого рода ущемлений имущественной сферы участников гражданского оборота и признать за всеми иными охранительно-восстановительными способами защиты их видовую принадлежность к общему родовому требованию – требованию о возврате неосновательного обогащения (кондикционному требованию) со всеми вытекающими из этого последствиями.

Однако этого не произошло. За родовым характером кондикционного обязательства до сих пор скрывают все те же восполнительные характеристики с возможной постановкой вопроса: а может ли в таком случае кондикционное обязательство рассматриваться как самостоятельное.

Ю.К. Толстой относительно существования кондикционных обязательств пишет: «...занимая в системе обязательств вполне самостоятельное место, они нередко сопровождают обязатель-

²⁵ Силицын С.А. Виндикация, реституция и кондикция: проблемы соотношения // Законодательство. 2003. № 8. С. 22, 23.

²⁶ См.: Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (гл. 60). С. 597, 598.

²⁷ Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10.

ства, возникающие из иных оснований и имеющие иную юридическую природу, выступая по отношению к ним в качестве «обязательств-спутников». Не будучи акцессорными обязательствами в строгом смысле слова, они могут восполнять пробелы в защите субъективных гражданских прав, осуществляемой с помощью иных вещно-или обязательственно-правовых требований»²⁸.

Несмотря на то, что приведенная точка зрения не позволяет усомниться в самостоятельности кондикционного требования, все-таки суть такой самостоятельности заключается далеко не в признании за другими сравниваемыми требованиями видовой принадлежности к кондикционному, а напротив, в установлении четких границ применения как кондикционного, так и иных требований. Иначе, как отмечает М.А. Смирнова, «если под обогащением понимать любое фактическое получение либо сбережение блага, то провести разграничение с другими видами обязательств крайне затруднительно, и кондикция предстает родовой и субсидиарной категорией»²⁹. М.А. Смирнова видит следующие последствия такого подхода: как при получении имущества по недействительной сделке, так и в случае незаконного владения, лицо фактически приобретает благо; потерпевший в таких случаях должен защищаться иском, который соответствует характеру отношений, а кондикционное требование оказывается вспомогательным, субсидиарным, используемым для восполнения пробелов в специальных нормах³⁰.

Заметим, что М.А. Смирнова, исключая признание за кондикционным обязательством качеств родового обязательства, ставит под сомнение и его субсидиарный характер. Она пишет: «Положение ст. 1103 ГК о возможности применения кондикционных норм к иным требованиям, дающее основание для вывода о вспомогательном характере института, может быть истолковано по-другому. А именно: применение правил о неосновательном обогащении к другим требованиям может рассматриваться как возможность сопровождения некоторых гражданско-правовых требований кондикционными. Иными словами, это означает их кумулятивную конкуренцию»³¹. Она пишет и о возможности альтернативной конкуренции, в частности с деликтным требованием.

На наш взгляд, такой подход не снижает актуальности общего вопроса о конкуренции кондикционного, виндикационного, деликтного и договорного требований.

Универсальность кондикционного требования не только не затрагивает самостоятельности такого требования, а, напротив, решает вопрос: какие охранительно-восстановительные требования поглощаются родовым кондикционным требованием, а в отношении каких имеет место восполнительное применение норм о неосновательном обогащении.

Представляется, что современной правовой наукой роль кондикционного обязательства в процессе восстановления нарушенного права необоснованно умалется по сравнению с действительным характером такого обязательства, обеспечивающего полное восстановление имущественной сферы от любого посягательства извне. Институт неосновательного обогащения содержит полный набор правовых восстановительных инструментов, достаточных для защиты имущественных интересов потерпевшего, когда помимо непосредственно кондикционного требования потерпевшая сторона вправе присоединить к нему и другие требования охранительного характера (требование о возмещении доходов, уплате процентов).

Универсальность кондикционного обязательства, на наш взгляд, проявляется в многоаспектном характере категории «универсальность», когда ее содержание не ограничивается лишь возможностью субсидиарного применения норм о неосновательном обогащении к отдельным правовым институтам и признанием за кондикционным требованием общеродовых признаков,

²⁸ Толстой Ю.К. Обязательства из неосновательного обогащения. С. 78.

²⁹ Смирнова М.А. Соотношение обязательственных требований в российском гражданском праве // Актуальные проблемы гражданского права. / Под ред. О.Ю. Шилохвоста. М.: Норма, 2003. Вып. 7. С. 187, 188.

³⁰ См. там же. С. 188.

³¹ Там же. С. 206, 207.

правовая регламентация которого уступает любой другой специальной регламентации видового требования о защите гражданских прав. Напротив, в ходе настоящего исследования будет показана доминирующая роль как самого кондикционного требования при защите любого безосновательного перемещения имущественного блага от потерпевшего к приобретателю, приведшего к неосновательному обогащению одного лица за счет другого, так и норм

о неосновательном обогащении при восполнении любой нарушенной имущественной сферы. Кондикционное требование, являясь «предельным» способом защиты гражданских прав, применяется с целью полного восстановления имущественной сферы потерпевшего.

Реализация категории «универсальность» будет показана в работе через определение кондикционного требования в системе способов защиты гражданских прав; определение объема норм, относящихся к институту неосновательного обогащения; определение пределов применения кондикционного требования и особенностей исполнения кондикционного обязательства; совокупную реализацию иных охранительных средств, опосредующих процесс имущественного возмещения потерпевшего.

§ 2. Понятие и основание возникновения кондикционного обязательства

Идея о недопустимости неосновательного обогащения впервые получила свое воплощение с помощью ряда юридических конструкций, выработанных римским правом, центральное место среди которых занимали так называемые кондикции, впоследствии выступившие прообразом современного института обязательств из неосновательного обогащения. Именно поэтому в теории гражданского права рассматриваемые обязательства иногда называют кондикционными, а иски, посредством которых удовлетворяются требования о возврате неосновательного обогащения, – кондикционными исками.

Кондикционный иск возник в период республики как один из пяти «законных исков» (*legis actionis*) древнего римского гражданского процесса, с помощью которых лицо при посредничестве публичной власти могло защитить свое основанное на законе правомочие. Наряду с законами такие иски рассматривались как составная часть гражданского права, однако в отличие от первых имели значение только в процессе их применения.

Позднее, в эпоху классического римского права, кондикции поглотили все личные иски. Поэтому с помощью кондикции стали защищаться требования о возврате неосновательного обогащения. Со временем они вошли в самостоятельную группу, возникающих из квазиконтрактов, прообразом которых выступала одна из форм законных исков, именуемая «*legis actio per condictionem*». В послеклассический период в кодификации Юстиниана были выделены различные виды кондикции о возврате неосновательного обогащения³².

Окончательно сформулировать понятие неосновательного обогащения римским юристам так и не удалось. Под обогащением понималось всякое получение одним лицом какой-либо имущественной выгоды за счет имущества другого лица. При этом случаи, когда имело место обогащение одного лица за счет другого, были слишком разнообразны, чтобы можно было квалифицировать их по каким-либо общим признакам, что позволило бы говорить о выделении самостоятельного вида обязательств из неосновательного обогащения³³.

³² Среди таких кондикций: *condictio indebiti* – кондикция об истребовании исполненного в отсутствие долга; *condictio ob rem dati* – иск о возврате предоставления, цель которого не осуществилась; *condictio ex causa furtive* – возврат полученного от кражи; *condictio ob turpem causam* – иск, направленный на истребование того, что было предоставлено в предположении «бесчестного» будущего обязательства, порочающего получателя; *condictio ob iniustam causam* – иск, направленный против того, кто вопреки установленному законом запрету принял имущественное предоставление; *condictio sine causa* – иск о возврате того, что находится у кого-либо без основания.

³³ Учение о кондикции в римском частном праве представлено в ряде работ по римскому праву: *Шулин Ф.* Учебник истории римского права: Пер. с нем. И.И. Щукина / Под ред. В.М. Хвостова. М., 1893; *Хвостов В.М.* Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum ius* в римской классической юриспруденции. М., 1895; *Он же.* Система римского права: Учебник. М., 1996; Римское частное право: Учебник./Под ред. проф. И.Б. Новицкого и П.С. Перетерского. М., 1994; *Пухта Г.Ф.* Курс римского гражданского права. Т. 1. М., 1874; *Пухан Иво, Поленак-Акимовская Мирьяна.* Римское право (базовый учебник): Пер. с македонского В.А. Томсинова, Ю.В. Филиппова / Под ред. В.А. Томсинова. М., 1999; *Покровский И.А.* История римского права (по изд. 1917 г.). СПб., № 99; *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Т. 3. М.: Статут, 2003; *Муромцев С.А.* Гражданское право Древнего Рима. М., 2001; *Кривцов А.С.* Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве. М.: Статут, 2003; Институции Юстиниана: Пер. с лат. Д. Расснера/ Под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова. М., 1998; *Зол Р.* Институции и системы римского гражданского права. Вып. 2. Система: Пер. с 13-го нем. изд. Г.А. Барковского. СПб., 1910; Дигесты Юстиниана: Пер. с лат. / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1. Кн. 1–4. М., 2002; Т. 2. Кн. 5—11. М., 2002; Т. 3. Кн. 12–19. М., 2003; *Дождев Д.В.* Римское частное право: Учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2003; *Гамбаров Ю.С.* Как следует понимать справедливость у римских юристов//Русская мысль. 1895. Кн. 12. С. 171; *Виндштейн Б.* Об обязательствах по римскому праву. СПб., 1875; *Барон Ю.* Система римского гражданского права. Вып. 3. Кн. IV: Обязательственное право: Пер. Л. Петражицкого. СПб., 1910; *Азаревич Д.* Система римского права: Университетский курс. Т. 2.4.1. Варшава, 1888, и др. Среди последних научных работ, освещающих данный вопрос можно отметить: *Шаханина С.В.* К использованию понятия «кондикция» в римском частном праве // Древнее право. М.: Спарк, 2002. № 1. С. 141–150; *Новак Д.В.* Эволюция кондикции в римском частном праве // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 8. / Под ред. О.Ю. Шиловцова. М.: Норма, 2004. С. 381–429; *Климович А.В.* Учение о кондикции в римском частном праве // Сибирский юридический вестник. Иркутск: ИГУ, 2002. № 2; *Слесарев А.В.* Обязательства вследствие неосновательного обогащения: Дисс...

При определении понятия кондикционного обязательства следует исходить из общепринятого, когда под таковым понимается правоотношение, в силу которого лицо, без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобретшее или сберегшее имущество за счет другого, обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество³⁴.

Если в приведенном определении кондикционного обязательства обогатившаяся сторона соответствует термину «приобретатель», а сторона, за чей счет произошло неосновательное приобретение или сбережение, термину «потерпевший», то термин «неосновательное обогащение» имеет двоякое значение. С одной стороны, неосновательное обогащение можно рассматривать как процесс перемещения имущественного блага от потерпевшего к приобретателю, а с другой – как имущество, которое приобретатель неосновательно приобрел или сберег за счет потерпевшего. Так, например, в названии гл. 60 ГК РФ термин «неосновательное обогащение» используется в значении процесса, а в названии ст. 1104 ГК РФ данным термином определяется имущество, подлежащее возврату.

В целом, характеризуя кондикционное обязательство, следует отметить, что это гражданско-правовое обязательство, носящее имущественный характер. В его основе лежат имущественные отношения по перемещению материальных благ.

Кондикционное обязательство относится к числу охранительных, внедоговорных обязательств: они имеют направленность на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего и возникают между сторонами, не связанными между собой договорными отношениями, либо хотя и связаны договором, но неосновательное обогащение произошло вне связи с исполнением договорных обязательств. В результате неосновательного обогащения между должником (приобретателем) и кредитором (потерпевшим) возникает относительное правоотношение, направленное на перемещение материальных благ из хозяйственной сферы одного лица в хозяйственную сферу другого.

Субъектом кондикционного обязательства может стать любое физическое или юридическое лицо. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, участвуя в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений, также могут стать любой из сторон кондикционного обязательства. При этом взыскание имущества в доход публичного субъекта права может быть расценено как исполнение кондикционного обязательства, только если неосновательное обогащение произошло за счет публичного субъекта права и при наличии иных признаков кондикционного обязательства³⁵.

Кондикционное обязательство возникает при наличии определенных условий, относительно которых в научной литературе высказаны различные мнения, особенно в части их количественного определения. В одних случаях несколько условий объединяются в одно³⁶, в других

канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 8—27.

³⁴ См., например: Советское гражданское право: Учебник для вузов. Ч. 2 / Под ред. В.А. Рясенцева. Л., 1987. С. 427; Гражданское право: Учебник. Т. 3 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. С. 79 и др. В литературе высказывалось мнение, что вследствие неосновательного обогащения не может возникнуть обязательства (как, впрочем, и вследствие причинения вреда), поскольку отсутствует определенность в содержании, из-за чего изначально отсутствует сбалансированность действий сторон. Лица никогда не договариваются об определении неосновательного обогащения. В ситуации возникновения неосновательного обогащения пострадавшая сторона указывает государству на долг перед ней лица, обогатившегося за его счет. Государство лишь обеспечивает возврат этого долга. Но обязательства здесь не возникает (см.: *Танчук И.А.* Хозяйственные обязательства. М., 1970. С. 102).

³⁵ См.: *Климович А.В.* Кондикционные обязательства в гражданском праве: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 17.

³⁶ См., например: *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Отдельные виды обязательств. С. 518, *Дамбаров С.Д.* Основания возникновения и объекты кондикционных обязательств: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9; *Корнилова Н.В.* Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения // Юрист. 2004. № 7. С. 21, 22.

– отдельные обстоятельства вычлениаются в качестве самостоятельных условий³⁷. Однако при всем разнообразии выделяемых условий несомненным является наличие двух: 1) обогащение (приобретение или сбережение имущества) одного лица за счет другого и 2) отсутствие установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований такого обогащения³⁸.

В определении природы этих условий имеет место неоднозначность. Так, например, Н.В. Корнилова считает, что обогащение в форме приобретения имущества одним лицом за счет другого означает увеличение имущества у одного лица в результате соответствующего его уменьшения у другого, а обогащение в форме сбережения имущества одного лица за счет другого означает сохранение имущества у одного лица, хотя оно и должно было уменьшиться в результате того, что другое лицо утрачивает соответствующее имущество³⁹. Другими словами, обогащение одного лица за счет другого подразумевает увеличение имущества (или сохранение имущества, когда таковое должно было уменьшиться) у одного лица, влекущее соответствующее уменьшение имущества другого лица.

При обращении к точке зрения, высказанной по этому поводу В.А. Рясенцевым, можно заметить, что выражения «обогащение одного лица за счет другого», «возрастание имущества у одного лица» и «ущерб в виде уменьшения имущества у другого лица» используются им как отдельные условия возникновения кондикционного обязательства. Возрастание (приобретение) и сбережение имущества у приобретателя за счет потерпевшего В.А. Рясенцев раскрывает через общую для увеличения имущества приобретателя и для имущественного ущерба у потерпевшего причину, в качестве которой определяет действие, которое может совершить сам потерпевший, приобретатель или третье лицо, а иногда и событие⁴⁰.

Ю.Г. Бозиева рассматривает обогащение одного лица за счет другого как правоотношение, в котором одна сторона осуществляет другой стороне определенное имущественное предоставление не получая за это от другой стороны никакого встречного удовлетворения⁴¹.

Что касается отсутствия соответствующего основания обогащения как условия возникновения кондикционного обязательства, то и оно в зависимости от той или иной конкретной позиции либо расширяется за счет дополнительных оснований, либо, напротив, сужается. Например, увеличение числа оснований, отсутствие которых ведет к неосновательному обогащению, происходит за счет основания, не предусмотренного административным актом (В.А. Рясенцев), или за счет отсутствия самых различных юридических фактов, которые предоставляют субъекту обязательственного внедоговорного (или договорного) правоотношения титул (основание) на получение какого-либо имущественного права (Б.Д. Завидов). Сужение же числа оснований происходит, например, за счет определения в качестве отсутствующего основания ни сделки, а договора (О.С. Иоффе).

Сущностные характеристики проявления условий возникновения кондикционных обязательств в литературе принято рассматривать от обратного, а именно, через раскрытие суще-

³⁷ См., например: Советское гражданское право: Учебник для вузов. Ч. 2 / Под ред. В.А. Рясенцева. С. 429; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2003. С. 873; Чернышев В.И. Вопросы возникновения и исполнения обязательств по возврату неосновательно приобретенного (сбереженного) имущества. М., 1973. С. 11; Завидов Б.Д., Гусев О.Б. Правовые проблемы ответственности, вытекающие из неосновательного обогащения // Юрист. 1999. № 10. С. 58, 59; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 25 февраля 2004 г. № А33-8425/03-С2-Ф02-298/04-С2.

³⁸ Не совсем понятным (ограниченным, усеченным) представляется подход некоторых федеральных судов к определению условий возникновения кондикционных обязательств. Например, в постановлении ФАС Уральского округа от 26 октября 2006 г. № Ф09-9697/06-С4 данные условия были определены следующим образом: «Приобретение имущества одним лицом должно повлечь умаление имущества другого лица, либо лицо сберегает имущество, которое должно было утратить в связи с тем, что вместо него утратило имущество другое лицо».

³⁹ См.: Корнилова Н.В. Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения. С. 21.

⁴⁰ См.: Советское гражданское право: Учебник для вузов. Ч. 2 / Под ред. В.А. Рясенцева. С. 429, 430.

⁴¹ См.: Бозиева Ю.Г. Кондикционные обязательства в системе гражданско-правовых обязательств. С. 131, 132.

ства «правового основания обогащения», отсутствие которого ведет к неосновательному приобретению или сбережению имущества одним лицом за счет другого⁴².

Анализ существующих по этому поводу в литературе мнений позволяет говорить о том, что определение правового основания обогащения в основном сводится либо к достижению экономической цели перемещения имущества, либо к перемещению как юридическому факту, либо к соответствию перемещения содержанию закона, административного акта или сделки. Иного мнения на этот счет придерживался А.А. Шамшов, предлагавший под достаточным основанием приобретения имущества понимать соответствие этого приобретения целям права или требованиям морали, а в качестве обстоятельства, обосновывающего правоотношение из неосновательного приобретения, считать отсутствие достаточного основания для приобретения, заключающееся в его несоответствии указанным целям⁴³.

Взгляд на правовое основание обогащения как на экономическую цель перемещения материальных благ от одного лица к другому встречается в основном в юридической литературе советского периода. В частности М.М. Агарков, говоря о том, что в фактическом составе возникновения кондикционных обязательств наибольшие затруднения связаны именно с вопросом, что представляет собой достаточное, установленное законом или договором основание, отмечает, что таким основанием всегда является цель, которую преследует увеличение (или сбережение) имущества одного лица за счет другого. Цели эти определяются М.М. Агарковым как те же самые, которые характеризуют собой гражданские, в частности обязательственные, правоотношения⁴⁴.

Экономической цели перемещения материальных благ от одного лица к другому в обозначенном подходе не всегда придается одинаковое значение. В одних случаях она рассматривается как субъективная, т. е. формируемая автономной волей лица, соглашающегося уменьшить свое имущество для ее достижения⁴⁵, в других – как экономическая цель, которую имеет в виду закон, административный акт или сделка⁴⁶, либо как экономическая цель, выражающая публичные интересы государства, через которые впоследствии достигаются частноправовые интересы хозяйствующих субъектов⁴⁷. Вместе с тем, какой бы характер эта цель не носила, если в результате перемещения материальных благ она окажется не достигнутой, либо вовсе будет отсутствовать, возникшее в результате этого обогащение будет считаться неосновательным, а у приобретателя возникнет обязательство по его возврату⁴⁸.

Нам представляется, что в рассматриваемом подходе определения правового основания обогащения нельзя игнорировать волю субъекта. Экономическая цель перемещения, которую преследует субъект, может состояться только при наличии автономной воли последнего, которая, в свою очередь, может быть достигнута лишь при последующем ее изъятии во вне (волеизъявлении). Следовательно, при отсутствии такого последующего выражения воли во вне экономическая цель имущественного предоставления останется недостигнутой, а значит, обогащение не состоявшимся. Не состоялось оно не потому, что отсутствовала цель как тако-

⁴² М. Гурвич когда-то заметил, что отсутствующее основание обогащения – это то, в чем кроется весь смысл института обязательств из неосновательного обогащения, его цель и оправдание, а также основные трудности, связанные с его догматической разработкой и практическим применением (см.: *Гурвич М.* Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР. С. 91).

⁴³ См.: *Шамшов А.А.* Неосновательное приобретение (сбережение) имущества и нетрудовой доход. С. 25.

⁴⁴ См.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. С. 158.

⁴⁵ См.: *Гурвич М.* Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР. С. 93, 94.

⁴⁶ См.: *Руденченко Н.А.* Обязательства, возникающие из неосновательного приобретения или сбережения имущества: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 1974. С. 7.

⁴⁷ См.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. С. 82.

⁴⁸ См. там же. С. 158.

вая, а потому, что она могла состояться только при совершении последующих действий, основанных на законе, административном акте или сделке.

Отсутствие автономной воли вообще не может породить конкретной экономической цели имущественного предоставления, а следовательно, любое перемещение имущественных благ от одного лица к другому в отсутствие субъективной воли приведет к неосновательному обогащению. В данном случае отсутствие цели объясняется отсутствием воли, без которой любое перемещение материальных благ считается неправомерным.

Если содержание воли противоправно, значит, противоправной является и сама цель, основанная на такой воле. В данном случае последующее волеизъявление, связанное с перемещением материальных благ, но в нарушение требований закона приведет к неосновательному обогащению. Вместе с тем даже сформированная воля (когда цель получает законное основание для ее достижения), но не достигнутая, т. е. перемещения материальных благ от одного лица к другому фактически не произошло, вообще не может привести к обогащению. Недостижение цели может произойти не только в силу отсутствия фактической передачи имущества, но и при трансформации первоначальной цели, когда ее реализация привела не к тем последствиям, которые должны были наступить согласно воле лица. В этом случае необходимо вести речь о факте неосновательного обогащения.

Экономическая цель, определяя содержание автономной воли субъекта, сама по себе еще не обеспечивает фактического перемещения материального блага от одного лица к другому, т. е. не ведет к обогащению. Формирование воли, равно как определение экономической цели, создает только некие внутренние предпосылки для возможного будущего обогащения одного лица за счет другого, которое не состоится, если воля не получит своего внешнего выражения. Закон, как известно, связывает возникновение правовых последствий с волеизъявлением именно потому, что оно – выражение воли во вне, сама же воля не порождает правовых последствий.

При обращении к современной правовой науке необходимо заметить, что подход понимания правового основания обогащения через достижение экономической цели перемещения также находит своих сторонников. В частности, Д.В. Новак предлагает рассматривать правовое основание обогащения как экономическую цель имущественного предоставления, легитимированную соответствующим правопорождающим юридическим фактом (сделкой, законом, административным актом и т. п.). «Одновременное наличие этих двух элементов: 1) соответствие обогащения экономической цели предоставления и 2) юридический факт, легитимирующий эту цель, – является необходимым для того, чтобы обогащение одного лица за счет другого считалось основательным и правомерным»⁴⁹. Подчеркивается именно одновременное наличие и экономической цели, и юридического факта. В противном случае «даже и при наличии такого юридического факта, но в отсутствие экономической цели, преследуемой перемещением имущества, или при недостижении (отпадении) этой цели впоследствии возникшее обогащение одного лица за счет другого не будет считаться основательным»⁵⁰.

Для применения данного подхода на практике Д.В. Новак предлагает следующую последовательность действий. Сначала необходимо выяснить, лежит ли в основе обогащения соответствующий юридический факт, породивший правоотношение, предполагающее перемещение материальных благ, направленное на осуществление той или иной экономической цели. Затем, если данный юридический факт будет установлен, необходимо определить, действительно ли имеет место цель имущественного предоставления, достижима ли она, не отпала ли

⁴⁹ Новак Д.В. Кауза имущественного предоставления и ее значение в обязательствах из неосновательного обогащения // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 174.

⁵⁰ Там же.

она впоследствии. Положительный результат этих действий будет означать, что обогащение правомерно, отрицательный – неправомерно⁵¹.

Представляется, что изложенный подход понимания существа правового основания весьма схоже подходом, поддерживаемым большинством современных цивилистов, рассматривающих в качестве основания обогащения порождающий юридический факт.

При этом одни авторы прямо называют правовое основание обогащения юридическим фактом из числа тех, что названы в ст. 8 ГК РФ как основания возникновения гражданских прав и обязанностей. Так, например, Н.Н. Агафонова отмечает: «Под основаниями, при отсутствии которых имущественная выгода будет признана неосновательным обогащением, признаются юридические факты, перечисленные в подп. 1–5, 8, 9 п. 1 ст. 8 ГК РФ»⁵². О том же говорит и О.Н. Садиков: «Под названными в ст. 1102 основаниями следует понимать разного рода юридические факты, дающие субъекту основание (титул) на получение имущественного права. Такие юридические факты названы в ст. 8 ГК»⁵³.

В ряде постановлений Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ и окружных судов также можно найти подтверждение тому, что в качестве оснований обогащения, дающих лицу право на получение имущества, выступают юридические факты, т. е. сделки, договоры и иные, предусмотренные ст. 8 ГК РФ, основания возникновения гражданских прав и обязанностей⁵⁴.

Другие авторы рассматриваемого подхода правовое основание обогащения юридическим фактом прямо не называют, но речь ведут именно о нем. В частности, В.А. Белов говорит о правовом основании обогащения как о соответствующем основании возникновения вещных, исключительных, личных, обязательственных, корпоративных и преимущественных прав⁵⁵. Без ссылки на ст. 8 ГК РФ, но как о юридическом факте, о правовом основании обогащения говорит В.С. Ем: «О неосновательности приобретения (сбережения) можно говорить, если оно лишено законного (иногда его именуют правовым) основания: нет соответствующей нормы права, административного акта или сделки»⁵⁶. Не совсем понятно, признает ли правовое основание обогащения юридическим фактом М.В. Телюкина, поскольку прямо об этом не говорит, но указывает, что такие основания «могут определяться исходя из статьи 8 ГК»⁵⁷.

Не менее распространенным является подход, в соответствии с которым правовое основание обогащения рассматривается как соответствие обогащения содержанию (предписанию) закона, административного акта или сделки.⁵⁸ Так, Е.А. Флейшиц в свое время отмечала, что достаточным основанием обогащения является соответствие обогащения не экономической цели закона, административного акта или сделки, а содержанию их, которое, разумеется, всегда направлено на осуществление тех или иных целей⁵⁹.

⁵¹ Там же.

⁵² Агафонова Н.Н. Гражданское право: Учебник. Ч. 2 / Под общ. ред. А.Г. Калпина. М., 2002. С. 535.

⁵³ Садиков О.Н. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный)/Отв. ред. О.Н. Садиков. М., 1996. С. 709. См. также: Завидов Б.Д., Гусев О.Б. Правовые проблемы ответственности, вытекающие из неосновательного обогащения. С. 58.

⁵⁴ См., например: Постановление Президиума ВАС РФ от 23 августа 2000 г. № 7826/99; от 3 июля 2001 г. № 9261/00; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 27 января 2000 г. № Ф04/229-741/А27-99.

⁵⁵ См.: Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: Учеб. М., 2003. С. 897.

⁵⁶ Ем В.С. Гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 2 / Под ред. Е.А. Суханова. М., 2003. С. 414.

⁵⁷ Телюкина М.В. Указ. соч. С. 10.

⁵⁸ См.: Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. С. 217; Советское гражданское право: Учебник. Ч. 2/ Отв. ред. В.А. Рясенцев. С. 430, 431; Носов В.А. Внедоговорные обязательства. Ярославль, 1987. С. 60, 61; Юрченко В.С. Охрана имущественных прав советских граждан. Минск, 1962. С. 145. Среди современников данный подход разделяется Н.В. Корниловой. См.: Корнилова Н.В. Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения. С. 2.

⁵⁹ См.: Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. С. 217.

Обогащение можно считать состоявшимся, если состоялся тот юридический факт, который и породил обогащение. Если обогащение соответствует содержанию закона, административного акта или сделки, то и юридический факт соответственно соответствует закону, административному акту или сделке. В связи с этим, думается, что приведенный выше подход принципиально не отличается от подхода, рассматривающего в качестве основания обогащения юридический факт, поскольку установление соответствия обогащения содержанию закона, административного акта или сделки сопоставимо с возникновением юридического факта, приведшего к такому соответствию.

Особое мнение в рамках данной дискуссии было высказано В.И. Чернышевым. Он считал, что при определении правового основания перехода имущества от одного лица к другому в равной мере должны учитываться и содержание, и цель гражданского правоотношения, ибо «только совокупность их может полностью исчерпать существо правоотношения». Исходя из этого, под правовым основанием приобретения имущества в относительных правоотношениях он предлагал понимать такой безвозмездный переход имущества от одного лица к другому, которым достигаются цели правоотношения в соответствии с его юридическим содержанием либо который совершается в силу прямого указания закона при условиях, им определяемых, независимо от достижения целей и их соответствия юридическому содержанию правоотношения. В тех же случаях, когда обязательство по возврату неосновательно приобретенного возникает как следствие нарушения абсолютного правоотношения, критерии цели и содержания при определении достаточного правового основания обогащения лишаются всякого смысла, так как в этом случае действует общее правило о недопустимости всякого безвозмездного перехода имущества от одного лица к другому, если он совершается помимо воли субъекта абсолютных прав или при отсутствии особых указаний закона. Таким образом, по мнению В.И. Чернышева, в абсолютных правоотношениях безвозмездный неволевой переход имущества допускается только в случаях, прямо предусмотренных законом⁶⁰.

Признавая все приведенные подходы взаимодополняющими и не противоречащими друг другу, заметим все же, что речь должна идти не об определении правового основания всякого обогащения, поскольку в противном случае обоснованным видится подход В.И. Чернышева. На наш взгляд, имеется потребность в усвоении правового основания обогащения именно одного лица за счет другого, и в этом смысле отсекаются все те правовые основания обогащения, которые позволяют обогатиться в отсутствие факта перемещения имущественного блага от одного лица к другому.

В связи с этим считаем, что под правовым основанием обогащения следует понимать такое перемещение имущественного блага от одного лица к другому, которое соответствует правовой регламентации, отражающей содержание экономической цели, определяемой субъективной волей лица, инициирующего перемещение имущественного блага. В свою очередь, обогащение одного лица за счет другого есть результат такого перемещения имущественного блага от одного лица к другому.

Представляется целесообразным рассматривать субъективную волю, экономическую цель, содержание закона, административного акта или сделки, а также реализацию установленных законом, правовым актом или сделкой правовых последствий (перемещение имущества) в качестве элементов, составляющих единый процесс, направленный на обогащение.

⁶⁰ См.: Чернышев В.И. Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества. Ярославль, 1977. С. 37, 38. См. также: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 58–63; Юрченко В.С. Охрана имущественных прав советских граждан. С. 83; Бару М.И. Понятие и содержание возмездности и безвозмездности в советском праве // Ученые записки Харьковск. юрид. ин-та. 1959. Вып. 13. С. 75.

§ 3. Имущественное обогащение и его влияние на предмет возмещения

Перемещение имущественных благ необходимо толковать в широком смысловом значении, когда под такое перемещение попадают разного рода жизненные обстоятельства, приводящие как к приобретению, так и сбережению имущества.

При этом перемещение имущественного блага, результатом которого стало приобретение, соответствует категории «действие», но не «событие». Исходя из природы последнего, оно не может быть квалифицировано ни как правомерное, ни как неправомерное, так как, возникнув, протекает независимо от воли субъектов права. Независимо от того, что лежит в основе события, оно не может привести к обогащению в позитивном смысле, а следовательно, не может рассматриваться основанием такового. Событие как жизненное обстоятельство, с которым закон связывает наступление правовых последствий, влекущее приращение имущества одного лица за счет другого, всегда лежит в сфере неосновательного обогащения.

Что же касается действия, влекущего приобретение имущества, то речь должна идти исключительно о фактическом перемещении материального блага, соотносимого с исполнением обязательства. Другими словами, перемещение есть активное действие, выступающее объектом обязательства, в основе которого лежит закон, административный акт, сделка (как правило, договор). Исключение составляют реальные сделки, например, обычный подарок, когда передача имущества совпадает по времени с правопорождающей сделкой и с момента совершения такой сделки необходимо говорить об обогащении.

Перемещение имущественного блага, приводящее к сбережению, выступает примером пассивного действия, а обогащение возникает в силу проявления не обязательственных, а вещно-правовых конструкций⁶¹. Несмотря на то, что сбережение непосредственно не предполагает фактического (физического) перемещения имущественного блага, но может всецело зависеть от такового. Так, например, экономия подрядчика возникает не в силу того, что заказчик, зная, что передаваемый материал не будет использован для выполнения работ по договору подряда, все же передает его подрядчику. Экономия вытекает из исполнения обязательства по оплате работы, когда уплачиваемая цена, превышающая фактически расходы подрядчика, подлежит уплате, поскольку изначально предусмотрена условиями договора. Сбережение в данном случае определяется не исполнением денежного обязательства (передачей денег), а разницей между расчетными и реальными расходами подрядчика. Несмотря на то, что стоимостное выражение экономии подрядчика обуславливается передачей денег, момент ее возникновения соотносится с моментом передачи результата работы.

Другим примером выступают неотделимые улучшения арендованного имущества, произведенные арендатором без согласия арендодателя, стоимость которых возмещению не подлежит. В данном случае факт сбережения связан не с действиями арендатора по исполнению обязательства пользования арендованным имуществом, а с окончанием срока договора аренды, когда устанавливается факт наличия неотделимых улучшений, расходы на которые не возмещаются арендодателем в силу недобросовестности арендатора.

Обогащение одного лица за счет другого предполагает взаимообусловленность увеличения имущественной сферы одного лица и имущественных потерь другого лица. Перемещение имущественного блага как условие обогащения одного лица за счет другого определяет последующую направленность кондикционного обязательства, целью которого будет выступать восстановление хозяйственной сферы потерпевшего в размере имущественных потерь.

⁶¹ Наиболее ярко проявляет себя вещно-правовая природа сбережения при возникновении права собственности на бесхозяйные вещи (ст. 225–228, 230–231, 233 ГК РФ), при спецификации (ст. 220 ГК РФ), по давности владения (ст. 234 ГК РФ).

Охранительная функция кондикционного обязательства гарантирует потерпевшему защиту от любого необоснованного ограничения его хозяйства, которое может произойти как вследствие непосредственного изъятия имущества из его хозяйственной сферы, так и посредством иных потерь, непосредственно не связанных с уменьшением его имущества.

Установление факта уменьшения в имущественной сфере потерпевшего в отсутствие факта увеличения в имущественной сфере другого лица исключает возникновение обогащения, а следовательно, и применение тех последствий, которые связаны с восстановлением имущественной сферы потерпевшего.

Так, при причинении вреда имуществу потерпевшего стоимость этого имущества уменьшается (либо вовсе исчезает, если имущество было уничтожено), что ведет к ущемлению имущественной сферы потерпевшего. Однако такое ущемление происходит в отсутствие обогащения на стороне лица, причинившего вред (ущерб) имуществу потерпевшего, в том числе в форме его уничтожения. Закон возлагает на причинителя вреда обязанность возместить стоимость поврежденного (утраченного) имущества, но не вернуть его, поскольку таковое либо вообще не выбывало из имущественной сферы потерпевшего, либо безвозвратно исчезло из имущественного оборота вследствие уничтожения.

Определяя, что перемещение имущества при неосновательном обогащении приводит либо к его приобретению, либо к сбережению, возникает потребность в усвоении сущности как того, так и другого.

В правовой науке существует мнение о том, что под приобретением следует понимать получение лицом вещей (включая деньги и ценные бумаги) либо имущественных прав (прав требования, некоторых ограниченных вещных прав, например сервитута или исключительных прав), а сбережение может состоять в улучшении принадлежащего лицу имущества, влекущем увеличение его стоимости; в полном или частичном освобождении от имущественной обязанности перед другим лицом; в получении выгод от пользования чужим имуществом, выполнения работ или оказания услуг другим лицом. Данного подхода придерживается, в частности, Д.В. Новак⁶².

В то же время В.А. Рясенцев улучшение имущества, повышающее его стоимость, наряду с приобретением денег или вещей, определенных родовыми признаками, относил к существу не сбережения, а возрастания (приобретения) имущества⁶³.

Достаточно широко подходит к категории «приобретение» С.Д. Дамбаров, утверждающий, что приобретение возможно в отношении не только вещей, ценных бумаг, денег, имущественных прав, способных за счет своих естественных свойств сохраняться в хозяйственной сфере приобретателя в неизменном виде, но и прочих материальных благ, неосновательное поступление которых совпадает по времени с моментом их фактического потребления (услуги, тепловая и электрическая энергия, пользование имуществом)⁶⁴.

При определении состава неосновательного обогащения, как правило, выводят существенный признак приобретения, который выражается в том, что в процессе приобретения происходит количественное приращение имущества, повышение его стоимости без несения приобретателем соответствующих затрат. С таким подходом не соглашается С.Д. Дамбаров, полагающий, что суть неосновательного обогащения в форме приобретения сводится к неэквивалентности различных социально-экономических благ как имущественного, так и неимущественного рода, наблюдаемой в отношениях субъектов кондикционного обязательства при

⁶² См.: Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве (сравнительно-правовое исследование). С. 26, 27.

⁶³ См.: Советское гражданское право: Учебник для вузов. Ч. 2 / Под ред. В.А. Рясенцева. С. 429.

⁶⁴ См.: Дамбаров С.Д. Формы неосновательного обогащения // Закон. 2007. № 8. С. 122.

получении, а также потреблении этих благ при отсутствии должного материального возмещения со стороны приобретателя⁶⁵.

Возвращаясь к рассмотренному выше примеру причинения имущественного вреда, отметим, что на стороне причинителя возникает обязанность возместить причиненный вред, что, естественно, не порождает возникновения кондикционного обязательства, поскольку отсутствует предмет, который можно было бы рассматривать как неосновательное обогащение. Тем не менее обязательство по возмещению причиненного вреда (деликтное обязательство), являющегося денежным обязательством, возлагает на причинителя обязанность по уплате определенной денежной суммы. Если такая денежная сумма не передается потерпевшему (кредитору) в соответствующий срок, на стороне должника остаются деньги, подлежащие передаче кредитору. В ситуации неисполнения денежного обязательства, возникшего из деликта, кредитор требует передать имущество, которое должно было поступить в его хозяйственную сферу, что позволяет рассматривать это имущество как имущество кредитора, которое в силу неисполнения денежного обязательства должником находится у последнего. Кредитор в такой ситуации подлежит квалификации как потерпевший по кондикционному обязательству, а подлежащая возврату денежная сумма – как имущество, подлежащее возврату в качестве неосновательного обогащения.

Таким образом, приобретение следует понимать как результат фактического перемещения имущественного блага, который может наступить не только вследствие действительного изъятия имущества из хозяйственной сферы потерпевшего в силу тех или иных обстоятельств (прямое фактическое перемещение), но и в силу нахождения у должника такого имущества, которое должно было подлежать передаче кредитору во исполнение лежащей на должнике внедоговорной обязанности по передаче имущества (косвенное фактическое перемещение).

Такая интерпретация понятия «приобретение» не позволяет признать повторную оплату организацией полученных на ее имя товаров, излишне уплаченные суммы по договору, зачисление банком денег на расчетный счет другого юридического лица⁶⁶ случаями неосновательного обогащения.

Указанные примеры объединяет то, что все они порождают договорные, а не кондикционные требования. Однако поскольку правовая регламентация процесса возврата денег в упомянутых отношениях отсутствует, должны действовать правила гл. 60 ГК РФ в субсидиарном порядке, если иное не установлено законом и не вытекает из существа соответствующего отношения. Применение правил о кондикции к договорным отношениям обеспечено ст. 1103 ГК РФ, которая определяет возможность применения таких правил к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством.

Тем не менее существует мнение о том, что применение положений гл. 60 ГК РФ в подобных случаях возможно не в силу ст. 1103 ГК РФ, а напрямую – как к отношениям, связанным с возвратом имущества, составляющего неосновательное обогащение приобретателя.

Приведем дело из практики Президиума ВАС РФ. ООО «ВНИИ-ГАЗ» во исполнение договора о проведении опытно-конструкторских работ переплатило ЗАО «ДИЭМ» 45 тыс. руб., что послужило основанием для обращения заказчика в арбитражный суд с иском к исполнителю о возврате излишне уплаченной суммы. Суд признал полученные ответчиком излишние денежные средства неосновательным обогащением, подлежащим возврату. Он мотивировал свое решение тем, что ст. 1103 ГК РФ предусматривает возможность применения правил

⁶⁵ См. там же.

⁶⁶ См.: *Ем В.С.* Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве // Законодательство. 1999. № 7; *Завидов Б.Д.* Правовые проблемы ответственности, вытекающие из неосновательного обогащения // Юрист. 1999. № 10. С. 58; *Коришова Н.В.* Понятие и условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения. С. 21; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина.

гл. 60 ГК РФ к требованиям о возврате ошибочно исполненного по обязательству, если ГК РФ и другими нормативными актами не установлено иное. Поскольку в специальных правилах, регламентирующих порядок исполнения договоров о выполнении опытно-конструкторских работ, не предусмотрены условия о возврате излишне уплаченных сумм, Президиум ВАС РФ счел правильным применить к данным требованиям истца нормы гл. 60 ГК РФ⁶⁷

⁶⁷ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 20 марта 2001 г. по делу № 8110/00. Подобный подход к природе излишне уплаченных сумм по договору имеет место и в ряде иных судебных решений. См., например: Постановления ФАС Северо-Кавказского округа Ф08-1343/2001, Ф08-386/2003, Ф08-4230/2006; ФАС Поволжского округа от 28 сентября 2006 г. № А55-34802/05-45.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.